

ДЕГАЕВЩИНА

Н. А. Троицкий

Отразив революционный натиск конца 1870-х — начала 1880-х гг., царизм перешел в контрнаступление. Сначала он предпринял отвлекающие маневры, чтобы мобилизовать свои ресурсы, а уж затем «тащить и не пущать» навсерьеза. 4 мая 1881 г. главой правительства вместо «либерального» графа М. Т. Лорис-Меликова был назначен откровенный консерватор граф Н. П. Игнатьев, которому и предстояло, как подчеркнул В. И. Ленин, «прикрыть отступление правительства к прямой реакции»¹. Словом, на время требовался политический камуфляж, а по этой специальности едва ли кто-нибудь в России мог тогда идти в сравнение с Н. П. Игнатьевым. Бывший посол в Турцию, поднаторевший на дипломатическом поприще, Игнатьев был корифеем лжи. Он лгал так много и с таким неподражаемым мастерством, что даже в Константинополе, где дипломаты лгали, кажется, больше, чем где бы то ни было, Игнатьев всех затмевал (его и прозвали там не без почтения «Игун-паша»²).

Получив власть, Игнатьев и в России стал насаждать, как тогда говорили, «константинопольский режим», то есть повел двусмысленную политическую игру, рассчитанную на то, чтобы сбить с толку оппозицию, посеять в ней иллюзии, разрядить таким образом напряженность обстановки в стране и тем временем подготовить условия для решающего удара по революционным силам. Он ублажал помещиков «и поличительствовал» о крестьянах, пытался мистифицировать революционеров и флиртовал с либералами, беззастенчиво обещал, обещал и обещал³. В то же время он успевал делать все возможное для искоренения «крамолы». Именно его кабинет выработал законодательные основы карательной политики самодержавия на 36 лет вперед. 14 августа 1881 г. царь утвердил представленное Игнатьевым «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (иначе «Положение об охране»). Принято оно было на три года как чрезвычайная мера, но затем каждый раз по истечении этого срока возобновлялось. Это и была, по определению В. И. Ленина, «фактическая российская конституция»⁴.

«Крамолу» Игнатьев преследовал изобретательно, оборотисто и беспардонно. Не зря в год его министерства расцвела, как никогда ранее, контрреволюционная провокация. Самая личность Н. П. Игнатьева наложила печать на карательную политику царизма. Венцом провокаций, затеянных в его правление, стала дегаевщина, «героем» которой был, впрочем, не столько Дегаев, сколько Судейкин. Игнатьев и выдвинул последнего на роль «главного заправителя государственной тайной полиции»⁵. Виртуоз провокации Г. П. Судейкин служил в Киевском губернском жандармском управлении с начала 70-х годов XIX в., но лишь в 1879 г. сразу стал знаменитым. В начале того года капитан Судейкин энергично, хотя и осмотрительно (надевая под мундир две кольчуги), а главное, результативно, устроил облавы против «киевских бунтарей»⁶ и южного Исполнительного Комитета «Народной воли»⁷, а к концу года через

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 46.

² Е. А. Перетц. Дневник (1880—1883). М.-Л. 1927, стр. 57.

³ Подробнее о министерстве Н. П. Игнатьева см.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М. 1964, гл. V.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 114.

⁵ П. А. Валуйев. Дневник (1877—1884). Пггр. 1919, стр. 246.

⁶ В. К. Дебогорий-Мокриевич и другие. Судебный процесс над ними состоялся в Киеве 30 апреля — 4 мая 1879 года. Двое осужденных (Л. К. Брандтнер и В. А. Свириденко) были казнены.

⁷ В. А. Осинский и другие. Судились в Киеве 7—13 мая 1879 г., Осинский был казнен.

посредство агента-provokатора Л. И. Забрамского раскрыл и почти целиком арестовал объединенный кружок народовольцев и чернопередельцев⁸. Предириимчивого капитана отметили «верхи», пригласили в столицу и с начала 1881 г. поручили ему завести агентурой Петербургского охранного отделения.

Честолюбивый и напористый Судейкин был свободен от каких бы то ни было принципов и думал лишь о карьере. Он не питал к революционерам гипертрофированной ненависти, столь характерной, например, для его современника прокурора П. В. Муравьева, и не изощрялся в садистской жестокости по отношению к ним, как другой его современник, тоже прокурор, В. С. Стрельников. Как-то в 1880 г., провожая на Кару ссыльных землевольцев, он с циничной откровенностью признавался им: «Я, господа, не идеалист и на все смотрю с точки зрения выгоды. Располагай русская революционная партия такими же средствами для вознаграждения агентов, я так же верно служил бы и ей»⁹. Вот он и служил царизму, хотя не восторгался правительством. Во всяком случае, себя он ставил выше любого из царских министров. Выскочка из хилого, хотя и дворянского рода, в котором ничего дворянского, кроме названия, давно уже не было, ощущавший себя плебеем среди тех, кому он служил, и даже среди тех, с кем служил, Судейкин был зол на правительство за то, что оно его «зати-рало»: платило деньги и жаловало ордена, но почти не давало чинов. За пять лет, с 1877 по 1882 г., он выслужился лишь из капитанов в подполковники, тогда как считал себя достойным генеральских эполет со всеми вытекающими отсюда возможностями. «Ему, которого не хотели выпустить из роли сыщика, — писал о нем современник, — постоянно мерещился портфель министра внутренних дел, роль всероссийского диктатора, держащего в своих ежовых рукавицах бездарного и слабого царя»¹⁰.

В уюении собственными талантами Судейкин добивался свидания с царем, рассчитывая пленить его и «привязать к себе». Но на этом скользком пути Н. П. Игнатьев стал помогать честолюбцу, а заменивший Игнатьева граф Д. А. Толстой даже воспротивился. «Проницательный царедворец, очевидно, разгадал, куда он метит, и дал ему недвусмысленно понять, что всяк сверчок должен знать свой шесток», — так оценил решение Толстого не допускать Судейкина к свиданию с царем народоволец В. И. Сухомлин¹¹.

Судейкину осталось положиться на самого себя и выбрать иные средства обеспечения карьеры. Он избрал провокацию. На первый взгляд, провокационные подходы Судейкина к арестованным революционерам не отличались разнообразием. Из воспоминаний современников выясняется, что «всем арестованным он рекомендовал себя как социалиста, сторонника мирной пропаганды, отрицающего только террор и борющегося исключительно с ним. Всем без разбора он делал предложения вступить в агенты тайной полиции — не для предательства людей, говорил он, а лишь для осведомления о настроениях партии и молодежи»¹². Такой на вид монотонный и бесталаный прием тем не менее позволял Судейкину в зависимости от того, как тот или иной арестованный воспринимал его предложение, с первой же попытки прикидывать, кто чего стоит, и действовать далее с учетом не только обстоятельств, но и личных качеств арестанта: постараться ли сделать его provokатором сразу, постепенно или же (что чаще всего и случалось, если Судейкин наталкивался на участника, а не на попутчика «Народной воли») отступить от него совсем.

⁸ Кружок М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского. Почти все члены кружка (21 чел.) были преданы суду в Киеве 14—26 июля 1880 года. Суд вынес два смертных (замеченных позднее вечной каторгой) и 19 — каторжных приговоров.

⁹ М. Р. Попов. Записки землевольца. М. 1933, стр. 264. Такая «откровенность» вообще была свойственна Г. П. Судейкину в абстрактных рассуждениях, которые он схотню затевал со своими жертвами. Он, например, признавался, что не считает возможным искоренить революционное движение, но верит в способность карателей обезвредить его своевременными репрессиями. «Вы подрастете, а мы вас подкосим, вы подрастете, а мы вас подкосим», — говорил Судейкин, иллюстрируя свои слова жестом косаря (А. Н. Бах. Записки народовольца. М. 1931, стр. 185).

¹⁰ «Дегаевщина (материалы и документы)». «Былое», 1906, № 4, стр. 30.

¹¹ «Народная воля» перед царским судом». Вып. 2. М. 1931, стр. 36.

¹² В. Фигнер. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М. 1964, стр. 334; К. Я. Загорский. В 1881—1882 гг. (воспоминания). «Каторга и ссылка», 1931, № 3, стр. 172.

Столь откровенный способ вербовки, при котором «наниматель» обращался ко «всем без разбора», был небезопасен для Судейкина. Кто-нибудь из массы этих людей в любой момент сам мог попытаться обмануть его, вовлечь в «контрпровокацию» и выдать революционерам. Но Судейкин не зря так дорого ценил себя. Он умел беречь свою жизнь, «наиболее драгоценную для России после жизни государя императора», как будто бы выразился о нем директор департамента полиции В. К. Плеве¹³. Не надеясь только на интуицию, которая в общем-то до последнего часа его не подводила (лично он сносился лишь с тем, в ком интуитивно был уверен), Судейкин обставлял свои сношения с агентами и весь свой образ жизни головоломными предосторожностями. Один из тех, кого он улавливал в сети провокации, студент Петербургского университета Г. Н. Гребенчо, так описывал ритуал свиданий Судейкина с его агентами: «Мне было назначено прийти в частную квартиру в одном из домов на Б. Морской улице и на вопрос о том, кто пришел, назваться Халтуриним. Когда я так и сделал, меня ввели в обыкновенную скромную квартиру и просили подождать. Ждать пришлось четверть часа, после чего явился какой-то субъект и пригласил меня следовать за ним. На улице он пошел впереди, а я должен был идти за ним, примерно в 100 шагах. Оказалось, что на таком же расстоянии сзади меня шел другой полицейский агент. Передний, дойдя по Б. Морской до Невского проспекта, повернул направо и пошел по Невскому к Казанскому собору. Дойдя до Казанской улицы, он свернул на Казанскую площадь и пошел через нее наискось по направлению к Екатерининскому каналу, где находилась стоянка извозчичьих карет. Подойдя к одной из этих карет, он постучал в дверцу, дверца открылась, и так как в это время я приблизился к карете, то он пригласил меня войти внутрь. В карете оказался Судейкин. Мы поехали и ездили довольно долго по самым разнообразным улицам. Между тем, стало темно, и Судейкин выпустил меня из кареты, лишь замедлив ход экипажа, но не останавливая его, на одной из глухих улиц Петербургской стороны, притом против какого-то переулка, в который я тотчас же и направился»¹⁴.

Когда весной 1882 г. Исполнительный Комитет «Народной воли» во главе с М. Ф. Грачевским занялся подготовкой убийства Судейкина, то никак не мог выследить предусмотрительного жандарма. «У него, — рассказывала о Судейкине член ИК А. П. Корба, — оказалась не одна, а множество квартир, разбросанных по всему Петербургу, которые он посещал не в определенные сроки, а когда вздумается. К тому же эти квартиры были очень недолговечны: после двух-трех посещений они бросались и ваводились новые»¹⁵. Агенты ИК сбились с ног в поисках хотя бы следа Судейкина и в конце концов сами были выслезены агентурой охраны прежде, чем выследили его. До конца 1882 г. Судейкин, используя сыск¹⁶ и провокацию, успел причинить «Народной воле» большой урон. Самой крупной его акцией была облава, устроенная в Петербурге в ночь с 4 на 5 июня 1882 г., после того, как его агенты выследили динамитную лабораторию Исполнительного Комитета. В ту ночь жандармы арестовали более 120 человек, в числе которых оказались два члена Исполнительного Комитета —

¹³ «Литература партии «Народная воля». М. 1930, стр. 214.

¹⁴ «Каторга и ссылка», 1931, № 3, стр. 175.

¹⁵ А. П. Прибылев а-Корба. Сергей Петрович Дегаев. «Былое», 1906, № 4, стр. 13.

¹⁶ О сыском мастерстве и в некотором роде «новаторстве» Судейкина народо-волец А. В. Прибылев рассказывал: «Теперь (после ареста 5 июня 1882 г. большой группы народовольцев.— Н. Т.) выяснилось, что в течение трех месяцев все мы были под неуклонным надзором Судейкина и его клеветов, под надзором, установленным до тех пор небывалым способом. За нами не ходили шпионы, не подсматривали, за немногими исключениями, за каждым нашим шагом. Нет, все шпионы в костюмах окологочных надзирателей были расставлены на перекрестках и замечали каждого из нас, проходившего мимо них. Они отмечали в своих книжках, кто из нас и в каком направлении отправлялся, когда и с кем виделся и пр. При этом для каждого из нас было установлено у них особое наименование, например, нас (супругов Прибылевых.— Н. Т.) они знали «как василеостровских хозяев», Грачевского называли «фонарный», так как он жил в Фонарном переулке, Корба — «дровяная барышня» (она жила на Дровяной улице) и т. д. Такой надзор, не бросающийся в глаза выслеживаемому, давал полную картину наших действий Судейкину» (А. В. Прибылев. Записки народовольца. М. 1930, стр. 47).

М. Ф. Грачевский, возглавлявший тогда всю работу «Народной воли» в Петербурге, и А. Н. Корба, а также десятки рядовых народовольцев¹⁷.

Но Судейкин метил на большее. Он настойчиво плел сеть провокаций вокруг «Народной воли», рассчитывая проникнуть в руководящие органы партии и развалить ее изнутри до основания. Эта его сеть никогда не пустовала: то один, то другой из народовольцев попадались в нее. Однако ни одной сколько-нибудь влиятельной революционной фигуры среди них не было. Да и сам Судейкин, хотя он фактически и при Н. П. Игнатьеве управлял жандармским сыском в столице, до конца 1882 г. не имел достаточных юридических полномочий, которые позволили бы ему развернуться во весь рост, и тосковал по всероссийскому масштабу деятельности. В конце 1882 г. таковой был ему доверен.

В свое время В. Я. Богучарский обратил внимание на «Записку» начальника Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкого, где упоминалось о том, что 3 декабря 1882 г. Александр III утвердил не подлежащее оглашению «Положение об устройстве секретной полиции в империи». Оно вводило должность инспектора секретной полиции для руководства политическим розыском по всей России. Первым инспектором секретной полиции и был назначен Судейкин. Показательно, что после его смерти, как сообщал тот же В. Д. Новицкий, такая должность «сократилась и перестала существовать»¹⁸. Очевидно она была введена специально для Судейкина. Самое «Положение об устройстве секретной полиции» не было известно исследователям. Однако текст его (писарская копия с отметкой делопроизводителя: «На подлинном написано: «Высочайше утверждено 3 декабря 1882 г. в Гатчине. Граф Д. Толстой») сохранился в архиве департамента полиции¹⁹. Там же находится особая «Инструкция инспектору секретной полиции» от 29 января 1883 г., согласно которой он мог координировать действия охранных отделений Петербурга и Москвы, а также розыскные отделы при жандармских управлениях Киевской, Харьковской, Одесской и Херсонской губерний, требовать от них любых сведений «о ходе розысков» и обязывать их не производить без согласования с ним «ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий», а в необходимых случаях имел право «вступать в непосредственное заведование местными агентствами»²⁰.

Роль общероссийского²¹ сыского инспектора оказалась для Судейкина весьма кстати. Он получил, наконец, возможность держать в своих руках все нити политического сыска и провокации. Будучи уже в этой роли, он и содеял самую грандиозную в России XIX в.²² провокацию, известную как дегаевщина.

На попрание сыска и провокаций против революционного подполья подвизался тогда не один Судейкин. Иным из сыщиков тоже случалось немало добиваться в слежке и провокациях. Начальник Петербургского губернского жандармского управления А. В. Комаров сначала, в ноябре 1880 г., завербовал в жандармскую агентуру И. Ф. Окладского, который наводил жандармов на след народовольцев, причастных к царевубийству 1 марта 1881 г., и опознавал арестованных²³. Другой провокатор В. А. Меркулов был «заагентурен» Комаровым в апреле 1881 г. и «отличился» тем, что перечислил всех участников царевубийства, которых он как агент Исполнительного Комитета знал в лицо²⁴, а потом ходил в сопровождении переодетых жан-

¹⁷ А. В. Прибылев. Указ. соч., стр. 47—48.

¹⁸ В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли». Ее происхождение, судьбы и гибель. М. 1912, стр. 97.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 дел-во, 1882, д. 977, лл. 9—10.

²⁰ Там же, лл. 11—12.

²¹ Именно в «столицах» пяти генерал-губернаторств (Петербург, Москва, Киев, Харьков, Одесса) сосредоточивалось тогда не менее 90% приходившихся на всю Россию дозаний по политическим делам.

²² Еще более сенсационная азевовщина 1902—1908 гг. по роли все же, думается, уступает дегаевщине. С. П. Дегаев вызвал опустошение в рядах организации, которая была в то время важной силой революционного движения, тогда как Е. Ф. Азеф опустошал актив партии эсеров, второстепенной в революционном движении сравнительно с РСДРП.

²³ Выданные Окладским две конспиративные квартиры Исполнительного Комитета в Петербурге — на Б. Подъяческой (динамитная лаборатория) и на Подольской улице (типография) — были, впрочем, уже оставлены народовольцами.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 505, лл. 189—193, 226—227.

дармов по улицам, выискивая оговоренных им людей. Этот способ розыска позволил арестовать одного из метальщиков-первомартовцев И. П. Емельянова и В. Н. Фигнер. Известный в 90-е годы XIX в. провокатор, а впоследствии (1905—1909 гг.) начальник русской тайной полиции за границей А. Геккельман (он же Ландезен, Петровский, Бэр и генерал фон Гардинг) тоже начал свою провокационную карьеру внутри «Народной воли» еще до середины 80-х годов XIX века. Во всяком случае, в 1903 г. при составлении его служебного формуляра агентурный стаж ему зачли с 28 марта 1883 года²⁶. Имеется свидетельство Дегаева о том, что Геккельман работал при Судейкине.

Многолюдной была сыскная агентура московской охранки. «Секретно-розыскное отделение при управлении обер-полицмейстера» в Москве, которое было образовано 1 ноября 1880 г. по указанию «бархатного диктатора» М. Т. Лорис-Меликова, имело агентурную сеть «из лиц, фиктивно принадлежащих к [революционной] партии», и пользовалось этой сетью изобретательно: в один революционный кружок засылались обыкновенно двое агентов, неизвестных друг другу, чтобы можно было сопоставлять и таким образом проверять их сведения²⁷. В Москве (а также в Харькове и Ростове-на-Дону) шпионил матерый агент Судейкина С. К. Белов²⁸. В 1887 г. в Москве был «заагентурен» и с 1 января 1889 г. прикомандирован к охранному отделению отставной телеграфист 3-го разряда, впоследствии жандармский полковник С. В. Зубатов²⁹.

Словом, контрреволюционные провокации с начала 80-х годов XIX в. разрослись, как никогда ранее. Центральной фигурой сыскного полчища был Судейкин, «затмевавший» остальных сыщиков, вместе взятых, а из его гнусных дел все прочие превзошла дегаевщина.

С. П. Дегаев — отставной артиллерийский штабс-капитан, образованный человек (учился в Артиллерийской академии и в Институте путей сообщения) из интеллигентной семьи (внук видного историка и журналиста Н. А. Полевого), был членом военного центра «Народной воли» с осени 1880 года. Невзрачный на вид, но по натуре весьма подвижный³⁰, Дегаев считался полезным работником, хотя и шокировал членов Исполнительного Комитета «полным отсутствием индивидуальности: в нем не было ничего оригинального, твердого и характерного»³¹. До 1 марта 1881 г., пока во главе «Народной воли» стоял «Великий Исполнительный Комитет», Дегаев оставался в тени, причем иные члены комитета (С. Л. Перовская, Н. Е. Суханов) и военного центра (Е. А. Серебряков, Н. М. Рогачев) относились к нему недоверчиво. На Рогачева Дегаев производил впечатление «какой-то вываренной тряпки»³². Тем не менее после 1 марта, когда вожаки «Народной воли» гибли один за другим и на смену погибшим требовались все новые и новые люди, Дегаев стал выдвигаться на первый план. Правда, в Исполнительный Комитет его так и не приняли, хотя он сам дважды (в феврале 1881 г. и январе 1882 г.) напрашивался на это, что было совсем не в правилах членов «Народной воли»³³.

Некоторые историки зачислили все же его в члены Исполнительного Комитета³⁴.

²⁶ «Падение царского режима». Т. VII. М.-Л. 1927, стр. 322.

²⁷ М. Цявловский. Секретные сотрудники московской охранки 1880-х годов. «Голос минувшего», 1917, № 7—8.

²⁸ См. о нем: Р. М. Кантор. Провокатор Степан Белов. «Каторга и ссылка», 1924, № 3.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 147 («Справка об агентурной деятельности и службе С. В. Зубатова»).

³⁰ «Маленький ростом, широкоплечий, с тонким станом, очень подвижной и нервный, он был склонен к парадоксам и легко загорался», — вспоминал о Дегаеве знавший его В. Г. Короленко (В. Г. Короленко. История моего современника. М. 1965, стр. 424).

³¹ В. Фигнер. Указ. соч., стр. 341.

³² «Революционное народничество 70-х годов XIX в.». Т. 2 (1876—1882 гг.). М.-Л. 1965, стр. 296.

³³ А. П. Прибылева-Корба. «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880 гг. М. 1926, стр. 168—169.

³⁴ См. В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы... стр. 155; С. С. Волк. «Народная воля» (1879—1882). М.-Л. 1966, стр. 96. В «Советской исторической энциклопедии» (т. 5, стб. 40) тоже сказано, что Дегаев «осенью 1882 г. стал членом Исполнительного Комитета «Народной воли».

При этом утверждается, что приняла Дегаева в Исполнительный Комитет В. Н. Фигнер. Это неверно. Она осенью 1882 г. планировала создание революционного центра, который мог бы заменить погибший Исполнительный Комитет. План «состоял в том, чтобы извлечь из военной организации человек пять, наиболее выдающихся по своим способностям и характеру. Вместе с нами (имеются в виду В. Н. Фигнер, А. А. Спандони и Дегаев.— Н. Т.) они должны были взять на себя общепартийные обязанности исчезнувшего Комитета и для этого, оставив военную службу, выйти из военной организации, поддерживая с ней лишь те отношения, какие раньше имел Комитет»³⁵. Выбор пал на М. Ю. Ашенбреннера, Н. М. Рогачева, Н. Д. Похитонова, Б. А. Крайского и Ф. И. Завалишина, из которых трое последних по разным причинам отклонили предложение Фигнер. В результате центр, который, по мысли Фигнер, должен был наследовать «исчезнувшему Комитету», составили Фигнер, Спандони, Ашенбреннер, Рогачев и Дегаев³⁶. Есть и такое известие о Дегаеве: «Вера Фигнер сделала его членом устроенной ею «центральной организации»...»³⁷. Выходит, что Исполнительный Комитет и «центральная организация», созданная осенью 1882 г. Фигнер, не одно и то же. Сама Фигнер хорошо это понимала. Она составила поименный список членов Исполнительного Комитета за все время его существования³⁸. Дегаева в этом списке нет. Известны также списки членов комитета, составленные, в частности, А. П. Корба и редакцией сборника «Народовольцы»³⁹. Дегаева нет и в них, как нет там и других членов «центральной организации» 1882 г.— Рогачева, Ашенбреннера, Спандони. Если же следовать логике авторов, придерживающихся иной точки зрения, то надо объявить членами Исполнительного Комитета на равных основаниях с Дегаевым — и Спандони, и Ашенбреннера, и Рогачева. Но вернемся к основному сюжету.

История дегаевщины⁴⁰ требует уточнений. Так, теперь выясняется, что Дегаев, арестованный 20 декабря 1882 г., в первом после ареста показании был стоек и никого не выдавал, хотя признал себя виновным в принадлежности к социально-революционной партии⁴¹. Зато жена Дегаева, арестованная вместе с ним, и в первом (20 декабря) и в последующих показаниях (24 декабря и 5 января 1883 г.) выдала все, что знала, оговорив В. Н. Фигнер, А. А. Спандони, Д. Я. Суровцева, и была освобождена на поруки матери под залог в 1500 рублей⁴². В этой связи становится понятным эпизод, рассказанный А. П. Корба. Оказывается, Судейкин, верный своему праву сесть «нравственный разврат» в душах плененных революционеров, устроил арестованному Дегаеву свидание с его освобожденной женой: «Дегаева ввели в просторную красивую комнату, где находился обильно накрытый стол. Вскоре появилась жена, которая с плачем бросилась ему на шею. Нежных супругов оставили наедине»⁴³. Вероятно, жена открыла мужу свое поведение, иначе ее все равно уличил бы перед Дегаевым Судейкин, который в любой момент мог предъявить ее собственноручные показания. Дегаеву оставалось либо отречься от жены, либо взять на себя долю общей ответственности. Он заколебался. В этот психологически решающий момент Судейкин ловко использовал его неустойчивость⁴⁴ и прельстил своим планом: Дегаев должен был при содействии жандармской охранки «устранить» старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором стал бы диктатором; затем Судейкин и Дегаев вдвоем, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой. «Цари, министры, революционеры — все будет в их распоряжении, все повезут их на своих спинах к какому-то туманно-ослепительному будущему, которое Судейкин,

³⁵ В. Фигнер. Указ. соч., стр. 347.

³⁶ Там же, стр. 348—349.

³⁷ «Красный архив», 1928, т. 4, стр. 171.

³⁸ В. Фигнер. Указ. соч., стр. 302.

³⁹ Ср.: «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 175—177; А. П. Прибылева-Корба. «Народная воля», стр. 50—51; «Народовольцы». Сб. 3. М. 1931, стр. 11.

⁴⁰ См. «Дегаевщина (материалы и документы)». Указ. изд.

⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, 1885, д. 51, ч. 16, лл. 16—17.

⁴² Там же, лл. 22—24, 26—27, 42—44, 51—52.

⁴³ А. П. Прибылева-Корба. «Народная воля», стр. 173.

⁴⁴ М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860—1904). М. 1924, стр. 100.

может быть, даже наедине с самим собою не смел рисовать в сколько-нибудь определенных очертаниях», — так говорилось об этом плане со слов самого Дегаева⁴⁵.

14 января 1883 г. Судейкин устроил Дегаеву фиктивный побег из-под стражи. Дело было в Одессе. Дегаева везли на вокзал в дрожках два унтер-офицера из агентуры Судейкина. Подъехали к вокзалу. Дегаев столкнул с дрожек одного конвоира, бросил горсть табака в лицо другому и скрылся в здании вокзала⁴⁶. После этого он в продолжение четырех месяцев стоял чуть ли не у руля «Народной воли», выдавая Судейкину ее планы, связи и наиболее опасных для правительства деятелей. В первую очередь был выдан военный центр партии, вслед за ним — местные военные группы. 10 февраля 1883 г. по указанию Дегаева в Харькове была арестована В. Н. Фигнер, последний член Исполнительного Комитета, еще остававшийся в России на свободе. Арест был обставлен как дело рук уже известного предателя В. А. Меркулова, которого Дегаев изловчился столкнуть лицом к лицу с Фигнер на улице, после чего она была тотчас схвачена. Чтобы еще более заслонить Дегаева Меркуловым, начальник Харьковского губернского жандармского управления И. К. Турцевич, едва Фигнер сразу же после ареста ввели к нему в кабинет и она в ответ на его требование назвать себя заявила: «Генерал, вам это скажет тот, кто указал меня арестовать», — распорядился позвать Меркулова. Тот подтвердил, что неизвестная арестована по его указанию и что она не кто иная, как Вера Филиппова (фамилия ее мужа). Услышав это, Фигнер резко повернулась к Меркулову и, воскликнув «Подлец! Шпион!», плюнула ему в лицо⁴⁷.

Арест Фигнер, имя которой получило громкую известность по материалам предыдущих судебных процессов «Народной воли», очень обрадовал «верхи». Граф Д. А. Толстой в тот же день донес царю об этой удаче, и Александр III на полях его донесения злорадно отметил: «Наконец, попалась!»⁴⁸. С арестом Фигнер Исполнительный Комитет «Народной воли» в России был полностью уничтожен. Осталось лишь его представительство в Париже, состоявшее из двух лиц. Рядовые народовольцы были деморализованы. «Все чувствовали, что систематические аресты вызываются предательством, но никто конкретно не знал, откуда оно идет»⁴⁹. Судейкин между тем старался дезориентировать революционное подполье, заронив в нем подозрения против честных революционеров. В дни массовых арестов «искусно пускались слухи, что предаст Рогачев»⁵⁰. Поползли также толки о предательстве К. А. Степурина и М. В. Калюжной. Это усугубляло взаимное недоверие среди народовольцев. «Казалось, сами стены подслушивают и сообщают в охранное отделение о конспиративных действиях и проектах», — вспоминал В. А. Бодаев⁵¹.

⁴⁵ «Дегаевщина (материалы и документы)», стр. 31—32.

⁴⁶ С. Н. Валк. Побег Сергея Дегаева. «Красный архив», 1928, т. 6.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дел-во, 1884, д. 747, ч. 4, л. 11 (донесение И. К. Турцевича в департамент полиции). Кстати, В. А. Меркулов — тот самый, кого на «процессе 20-ти» (февраль 1882 г.) подсудимый М. В. Тетерка уже бил по лицу за предательство.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 335, л. 184. Здесь уместно сказать об одной жандармской легенде. Генерал Турцевич доложил в департамент полиции, будто Фигнер при обыске пыталась отравиться, но жандармы отняли у нее яд (ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 дел-во, 1884, д. 747, ч. 4, лл. 10 об., 12). Эта жандармская версия тогда же получила хождение среди прочих толков и проникла в литературу (С. С. Волк. «Народная воля», стр. 148), хотя исчерпывающее разъяснение по этому поводу дала сама Фигнер. Оказывается, Вера Николаевна проглотила конспиративную записку, а жандармы вообразили, что она приняла яд (В. Фигнер. Указ. соч., стр. 360). Фигнер готовилась достойно предстать на суде свою партию, вовсе не помышляя о самоубийстве. «Я должна была жить, чтобы быть на суде — этом заключительном акте деятельности революционера. Как член Исполнительного Комитета, я должна была сказать слово — исполнить последний долг, как его исполняли все, кто предварил меня» (там же, стр. 370). Действительно, на суде Фигнер выступила с яркой революционной речью, текст которой был опубликован за границей и нелегально распространялся в России как документ выдающегося агитационного значения.

⁴⁹ М. Г. Седов. Героический период революционного народничества. М. 1966, стр. 323.

⁵⁰ А. А. Спандони. Страницы из воспоминаний. «Былое», 1906, № 5, стр. 16.

⁵¹ «Народовольцы 80-х и 90-х годов». М. 1929, стр. 21.

Таковы были результаты предательства Дегаева⁵². Как могло оно случиться? На этот вопрос убедительно ответил М. Г. Седов⁵³. Он подчеркнул уязвимость организационной структуры «Народной воли», ее чрезмерную централизацию и подметил, что народовольцы, даже самые опытные, слишком верили в силу «морально-правственного принципа»: Фигнер и ее товарищи «не задумывались над фактом побега Дегаева и не анализировали всех обстоятельств, при которых он был совершен»⁵⁴, поверив Дегаеву как старому члену организации.

Итак, к середине 1883 г., казалось бы, все шло по плану Судейкина. Но за четыре месяца предательства Дегаев убедился в том, что, кроме незавидной роли полицейской ищейки, ему под опекой Судейкина рассчитывать не на что. Между тем его стал мучить страх перед возможным разоблачением и мстью⁵⁵. Дело в том, что петербургская революционная молодежь, наконец, репировалась отыскать предателя во что бы то ни стало. Некоторые лица уже указывали на Дегаева. Было назначено собрание, на котором должен был присутствовать и Дегаев⁵⁶. Как бы там ни было, он в мае 1883 г. на средства охраны уехал вместе с женой в Париж, якобы для выявления умыслов русской эмиграции и там покаялся в предательстве представителю ИК. Ему сочли возможным гарантировать жизнь при условии, если он спасет взятых Судейкиным на учет революционеров, а также организует убийство последнего⁵⁷. Одобрив такое решение и член представительства ИК М. Н. Ошанина. Обрадованный Дегаев оставил в Париже заложницей свою жену, а сам вернулся в Петербург и возобновил сношения с Судейкиным, теперь уже по поручению Исполнительного Комитета.

Время с мая по декабрь 1883 г. в истории дегаевщины оценивается по-разному. В. Я. Богучарский и следом за ним С. С. Волк сочли, что Дегаев, после того как он был отпущен представительством ИК в Россию, «вплоть до декабря 1883 г., когда Судейкин, наконец, был убит, продолжал черное дело агента-provokatora»⁵⁸. Но в специальном заявлении органа «Народной воли» от 21 декабря 1883 г., спустя пять дней после убийства Судейкина, подчеркивалось, что «все выдачи были прекращены безусловно с того самого момента, как Дегаев отдался в распоряжение Исполнительного Комитета»⁵⁹. Это заявление подтверждают свидетельства очевидцев — Г. А. Лопатина и Н. М. Саловой, которые ссылались на отсутствие до декабря того года арестов в рядах «Народной воли»⁶⁰. Как именно объяснял Дегаев Судейкину бесплодность своих провокаций в мае—декабре 1883 г., а представителям Исполнительного Комитета — невыполнение майских обязательств перед ними, осталось неясным. В «Еженедельных записках» департамента полиции за время с 26 декабря 1883 г. по 2 января 1884 г. отмечено, что народовольцы С. Н. Кривенко и С. Е. Усова, только что задержанные, ранее не арестовывались «из опасения скомпрометировать Дегаева»⁶¹. Может быть, этот мотив (как бы не скомпрометировать себя) Дегаев и использовал перед Судейкиным. С другой стороны, из автобиографии Г. А. Лопатина,

⁵² Немудрено, что предательство такого масштаба обрастало легендами вроде той, которую ввел в обиход (уже сделавшись ренегатом) Л. А. Тихомиров и поддержал потом Г. В. Плеханов: Дегаев будто бы, по его словам, вместе с Судейкиным редактировал центральный орган «Народной воли» («Я ему носил, он поправлял, что нужно. Иных (статей — Н. Т.) совсем не допускал. Мы это делали вместе»). Эту легенду опроверг Е. Е. Колосов, сославшийся, в частности, на то, что газета «Народная воля» в период дегаевщины вообще не выходила (см. Дмитрий Кузьмин (Е. Е. Колосов). Народовольческая журналистика. М. 1930, стр. 135—142).

⁵³ М. Г. Седов. Указ. соч., стр. 320—322.

⁵⁴ В. Фигнер. Указ. соч., стр. 357.

⁵⁵ За предательство и шпионаж народовольцы казнили ранее А. Жаркова, С. Прейма, Ф. Шкрябу.

⁵⁶ А. П. Прибылев в КОРБА. Сергей Петрович Дегаев, стр. 16; М. П. Шебалин. Петербургская народовольческая организация 1882—1883. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.». М. 1928, стр. 45.

⁵⁷ Подробнее об этом см. «Красный архив», 1928, т. 4, стр. 168—173.

⁵⁸ С. С. Волк. «Народная воля», стр. 149. Ср.: В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы, стр. 113—114.

⁵⁹ «Литература партии «Народная воля», стр. 213.

⁶⁰ См. свидетельства Г. А. Лопатина и Н. М. Саловой, а также согласное с ними мнение А. П. Корба (А. П. Прибылев в КОРБА. «Народная воля», стр. 198—199).

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 168, 1884, д. 6, л. 7.

который в октябре—ноябре 1883 г. был главным представителем Исполнительного Комитета в России, известно, что Дегаев объяснил ему, почему он (Дегаев) «должен затянуть дело и видоизменить задачу», после чего Лопатин путем настояний, застрахований и т. п. заставил его «выполнить данные им обещания быстро и точно под его неусыпным надзором»⁶².

Обязательство покончить с Судейкиным Дегаев выполнил 16 декабря 1883 года. В пятом часу пополудни он заманил своего шефа к себе в квартиру. Судейкин явился с телохранителем, таким же атлетом, как он сам, Н. Д. Судовским, который приходился ему племянником. Но в квартире Дегаева «гостей» ждали тоже двое — народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич. Сеятель «нравственного разврата» и грязи пал под ударами лома в отхожем месте⁶³. Убийство Судейкина царизм оплакивал как невозвратимую утрату. «Сильное впечатление. Большой переполох», — записал по этому поводу в дневнике граф П. А. Валуев 19 декабря 1883 года⁶⁴. Днем раньше министр внутренних дел Д. А. Толстой в письме к К. П. Победоносцеву причитал: «Мне обидно и досадно, что эти разбойники могли провести такого опытного в полицейском деле человека, мне жалко человека и незаменимого сыщика... Это событие меня совершенно перевернуло»⁶⁵. Царь на докладе об убийстве Судейкина пометил: «Я страшно поражен и огорчен этим известием... Потеря положительно незаменимая. Кто пойдет теперь на подобную должность?»⁶⁶. Действительно, на судейкинскую должность никто более не пошел, пришлось ее упразднить. Был объявлен всероссийский розыск убийцы Судейкина. За поимку Дегаева власти установили награду в 10 000 руб. и разослали во все полицейские участки уведомления с приложением шести разных портретов Дегаева (в шапке и без шапки, с бородой и без бороды, с усами и без усов)⁶⁷. Когда выяснилось, что Дегаев скрылся за границу, в погоню был послан сыщик П. И. Рачковский⁶⁸. Однако Дегаев как в воду канул. Позднее выяснилось, что он уехал в США, где сделал по-американски сенсационную карьеру от грузчика до профессора математики. Там он и умер в 1920 году⁶⁹.

Дегаевщина толкнула «Народную волю» на край гибели. Однако логика исторического развития и без того должна была отвергнуть народнические методы борьбы. В России зрело пролетарское движение. Будущее было не за народниками, а за революционной социал-демократией, за рабочим классом.

⁶² Г. А. Лопатин. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Птгр. 1922, стр. 14.

⁶³ О деталях убийства Судейкина см. «Дегаевщина (материалы и документы)», стр. 25.

⁶⁴ П. А. Валуев. Дневник (1877—1884), стр. 246. О том же см. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова». Т. 1. М. 1966, стр. 157.

⁶⁵ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Т. I, ч. I. М.-Птгр. 1923, стр. 326.

⁶⁶ А. С. Поляков. Царь-мироворвец (из резолюций Александра III). «Голос минувшего», 1918, № 1—3, стр. 227.

⁶⁷ В этой связи случались показательные для смекалки рядовых царских ищеек курьезы, вроде того, о котором рассказал Дж. Кеннан: полицейский чин в Западной Сибири арестовал 4 бродяг, похожих на 4 из 6 портретов Дегаева, и хвастался, что «четыре из этих проклятых Дегаевых» он уже изловил, а пока они сидят в тюрьме, он поймает и «двух остальных» (Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка. СПб, 1906, стр. 145).

⁶⁸ «П. И. Рачковский (некролог)». «Новое время», 20. X. (2. XI). 1910.

⁶⁹ См. И. Генкин. Предатель С. П. Дегаев в Америке. «Каторга и ссылка», 1933, № 9.